

Юрий Петрович Власов

Ю. Власов

Первый подход

Я включил приемник. Шла литературная передача. Слышался голос глуховатый, но очень искренний и как бы затаивший сокровенное волнение. Человек говорил явно о чем-то очень ему дорогом, давно ставшем заповедным. Ощущалось, что за каждым его словом простирается обширное знание...

Я знал, кто выступает в эти минуты у микрофона. Мне были хорошо знакомы и этот глуховатый негромкий голос, и скромная манера речи. Но я нарочно не назвал моим гостям фамилию выступавшего. Мне было интересно проверить, какое впечатление оставляет он у слушателей.

— Как вы считаете, кто это говорит? — спросил я.

Все прислушались. Передача была посвящена старинным книгам. Выступавший рассказывал о собственной библиотеке, в которой собраны замечательные памятники русской исторической и зарубежной литературы, редкие издания, хранящие след канувших в вечность эпох и порой известные лишь кое-кому из заядлых библиофилов.

Рассказывал, как выглядят эти книги, где и в какие годы изданы, об их содержании, назначении, кратко характеризовал особенности того времени, когда они впервые увидели свет. Увлеченно описывал гравюры, рисунки, орнаменты, которыми были разузорены древние страницы.

— Ну, что ж... это, несомненно, какой-то ученый, историк, библиограф, — сказал уверенно один из гостей.

— Не только ученый, но, безусловно, еще и писатель. Он же великолепно чувствует стиль, слово! — столь же убежденно определил другой гость, литератор по профессии.

— Не берусь судить, кто автор текста, — закончил «гадание» третий, режиссер-педагог театрального института, — но ведет беседу актер, опытный чтец... Слышите, какая культура произношения, точность интонации, безошибочная передача эмоционального строя фразы!

Но вот беседа подошла к концу. И мы услышали уже другой голос, голос радиодиктора:

— У микрофона выступал автор — Юрий Петрович Власов.

— Как?!. Тот самый?..

Да, выступал заслуженный мастер спорта, чемпион мира и олимпийский чемпион, мировой рекордсмен в области тяжелой атлетики, едва ли не самый сильный человек на планете — Юрий Власов. Для меня, давно уже знающего Власова, видевшего его не только в спортивном зале, но и за письменным столом, не только с огромным снарядом, но и с уникальной книгой в руках, в этом не было ничего удивительного. Еще несколько лет назад мой сотоварищ по олимпийским странствиям, известный спортивный радиокomentатор Николай Озеров, привел ко мне домой знаменитого атлета. Вот с той минуты началась наша дружба с Власовым. Конечно, я знал его и раньше, видел не раз на помосте, когда он на глазах у ошеломленных зрителей возносил над головой чудовищного веса штангу, унизанную «блинами» и похожую на вагонную ось с колесами. И, как старый болельщик, я, разумеется, был почитателем этого удивительного богатыря, который, точно Атлант, поднял на никому до него не достигаемую высоту «небо рекордов» в тяжелой атлетике. Я встречал Власова и далеко за рубежом и наблюдал там, как поражает он своей общей культурой, знаниями, тончайшей интеллигентностью всех, кто так или иначе общался с ним, будь то тренеры, журналисты, спортсмены или любители спорта. Приходилось мне и читать кое-что из написанного Власовым, когда он выступал на страницах наших газет и журналов со статьями, очерками, заметками на спортивные темы.

Но ко мне он пришел не как чемпион, не как спортивный журналист или библиофил, а как начинающий писатель, пробующий свои силы в трудном жанре новеллы. Признаться, не сразу удалось заставить себя забыть на какое-то время, что передо мной феноменальный атлет, изумляющий мир своими достижениями. А необходимо было отрешиться от настроений болельщика и отнестись к литературным занятиям Юрия Петровича Власова с той же беспристрастностью, с какой я привык

подходить, скажем, к работам студентов литинститута. Только она и могла быть полезной в данном случае.

Подозреваю, что Юрий Петрович ушел от меня после первого двухчасового разговора наедине несколько обиженным. Я слишком уважал его, чтобы отделаться лишь комплиментами, от которых начинающему мало толку. Но я видел, что имею дело с человеком не только яркого интеллекта, но и, несомненно, литературно одаренным. Те недостатки, о которых мне пришлось сказать Власову, были порождены, главным образом, отсутствием писательского опыта, когда собственные впечатления о жизни порой заслоняются вычитанными в книгах. А Власов прочел их множество, прочел с любовью, со страстным вниманием, и огромный груз прочитанного иногда начинал тяжелее стали давить на этого силача, мешая ему освободиться от чужих слов, оборотов, образов. Возникали элементы литературщины. И на этот счет разговор у нас всегда шел начистоту.

Но я верил в Юрия Власова и знал, что постепенно он преодолеет свой недостаток. Жгучая жажда творчества, которая сразу угадывалась в нем, постоянное стремление к совершенствованию, неутомимые поиски собственного литературного «я» должны были привести к желаемому результату.

И вот перед вами первая книга Юрия Власова. По-моему, интересная и своеобразная книга. Власов немало поездил по белу свету, немало повидал. Глаз у него внимательный, зоркий, и многое из того, что часто не замечают люди, не надежные таким цепким и жадным зрением, он разглядел, запомнил и теперь сумел выразить в своих рассказах и очерках. Я уверен, что его книга взволновала бы и захватила читателя даже в том случае, если бы он ничего не знал о ее авторе. Она ценна сама по себе.

Вполне естественно, что большинство рассказов, входящих в первую книгу Юрия Власова, посвящены спорту. Всякий серьезно думающий писатель создает свои произведения на хорошо известном ему материале. Ну, а уж кто лучше Власова знает тяжелую атлетику! Тут ему не только штанга, но и книга в руки!

Перед читателем проходят увлекательные, по-настоящему волнующие, полные высокого драматизма эпизоды, разыгрывающиеся либо непосредственно на помосте, либо за его кулисами. Все сложнейшие перипетии борьбы, выпадающие на долю героев Власова, показываются автором как бы изнутри. Поэтому он пишет фразой предельно напряженной, иной раз словно задыхающейся от нечеловеческих усилий, которые она должна передать. Власову свойственна порой неистовая сгущенность ощущений, мыслей и психических состояний. Сгущенность, соответствующая титаническому порыву, которым бывает охвачен атлет, преодолевающий пределы, еще вчера казавшиеся всем неодолимыми.

Не скрывая, какой ценой подчас дается штангисту победа, Юрий Власов вместе с тем вводит читателя в мир подлинной красоты и поэзии силы, когда повествует о спортсменах нашей страны. Но как же страшен, как душен и безнадежен другой мир, где все: и сила, и слава — лишь предмет торговли, доходная статья спортивных барышников, о которых автор гневно говорит в рассказах цикла «Судьба тяжелая, как штанга»!

Для названия сборника своих первых рассказов, часть которых уже печаталась разрозненно в журналах, Юрий Власов выбрал строку Верхарна: «Себя преодолеть». Заглавие необычайно емкое. Прежде всего оно гражданственно. Себя преодолеть — значит преодолеть те слабости, которые принижают человека, препятствуют самоотверженному служению обществу, мешают жить полнокровно. Имеет это название и спортивное звучание. Ведь высокие достижения в области спорта, рекорды, заставляющие пересмотреть представления о человеческой силе, — всегда преодоление неких привычных норм, границ, казалось бы, установленных весьма прочно. И в каждом рекорде спортсмен как бы заново преодолевает себя объединенными силами мышц, мастерства и воли. Вот в этом и заключена поэзия силы, делающая истинный спорт таким притягательным для миллионов людей.

Книга «Себя преодолеть», если выразиться спортивным языком, — «первый подход» Юрия Власова, которым он начал свое

выступление на «помосте» большой литературы. На этом он, конечно, не остановится. Его дальнейшие замыслы богаты и серьезны. Не сомневаюсь, их осуществление по плечу Власову. Уже и в этой книге ряд вещей построен на материале, не имеющем отношения к спорту. Такие рассказы, как «Хосе, парэ!», «Леде-нец на палочке», «Папа Хемингуэй», говорят о широте возможностей, просторном круге интересов и знаний Юрия Власова. Уверен, что мы прочтем еще не одну его книгу. Ведь в запасе у молодого писателя так много «подходов»!

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЖИЗНИ ЗАКОН
НЕПРЕЛОЖНЫЙ.

Выстоять!

Длинный коридор из людей. Я шагаю на помост. Немного позади — тренер. Впереди большой зал, тишина и штанга. На штанге рекордный вес.

Поправляю трико, ремень. С ваты в руке тренера вдыхаю нашатырный спирт. Подхожу к штанге и пробую гриф. Иногда он заклинивается. И не проворачивается. Можно повредить кисти.

Гриф отличный. Насечка впивается в кожу. Острая, не стерта руками. Такой гриф называют «злым». Словно наждак, он беспощадно сдирает кожу с груди и шеи, оставляя на них багровые ссадины. Зато хват в кистях — мертвый. Пальцы не разожмутся.

Расставляю ступни. Предельно точно. Отклонение нарушит движение. Штанга не пойдет по выгодному пути.

Ступни на месте. Закрываю глаза и распускаю мышцы. Тело, как плоть, висит безвольно. Шевелю губами. Читаю любимые стихи. Ритуал. Он будит меня и помогает собраться...

*«В тебе прокиснет кровь твоих отцов и дедов.
Стать сильным, как они, тебе не суждено.
На жизнь, ее скорбей и счастья не изведав,
Ты будешь, как больной, смотреть через окно.
И кожа сохнет, и мышцы ослабеют,
И скука вьется в плоть, желанья губя.
И в черепе твоём мечты окостенеют.
И ужас из зеркал посмотрит на тебя.
Себя преодолеть!..»¹*

Себя преодолеть!

Преодолеть! Я дрожу и горю. Сжимаюсь. Мельком оглядываюсь. Проскальзывают трибуны, люди, огни.

---

¹ Из стихотворения «Меч» Э. Верхарна.

Я неправильно потянул штангу. И чтобы «поймать» ее и удержать на груди — сильно нагнулся вперед. Плохо!

Выпрямляюсь и думаю лишь об одном: устоять. Сойду — изменится верное положение штанги, мышц и туловища. Незаметно, но изменится. А это почти всегда верная неудача.

Нет, стою. И штанга на груди.

Воздух. Глотнул и замер. Скованы мышцы. Вес перекалываю на грудь, освобождая от тяжести руки.

Кисти расслаблены. Локти вдоль корпуса.

Жду команды судьи и дрожу. Тяжело и неудобно так стоять. Спина заломлена назад. Штанга сдавливает сосуды, и в голове нарастает гул. Если судья еще задержит хлопок — не одолею «железо».

Команда! Врос в усилие. Штанга сорвалась с груди и стремится вверх. Звон в ушах. Гул натянутых мускулов. Точно басовые струны рокочут.

Проскочить бы «мертвую» точку. Самый дурной момент. Одна группа мышц, отключаясь, передает усилие следующей. А та, следующая, — в положении крайне невыгодном и поэтому не развивает наибольшей мощности. Штанга здесь может остановиться, а борьба... закончиться.

Вжимаюсь в усилие! Такое ощущение, будто я вдавился в какую-то форму. И вдавился изо всех сил. И все равно я еще вжимаюсь!

Готовился к яростной схватке, ожидая огромного сопротивления, а штанга уже проскочила «мертвую» точку, и сама лезет на вытянутые руки. Рвануло за ней. Больно хрустнули позвонки. Теряю равновесие. Значит, неудача.

Выстоять!

Вот-вот оторвутся носки и судьи не засчитают попытку. А попытка почти удалась, только бы удержать равновесие.

Обрушился, точно стена высоченного дома, крик. Кричат люди. Крик подхлестывает.

Не сдаюсь. Из последних сил упираюсь руками. Весь я в музыке. На пределе режут басовые струны — самые мощные мускулы. Вплетается стон маленьких, крохотных волоконцев.

Балансирую корпусом. Ступни перекатываются в ботинках, но ботинки неподвижны. Их нельзя отрывать от пола. Запрещено правилами.

Слушаю штангу над головой. Слушаю, как одно большое ухо.
Держать!

Резкая боль в позвоночнике. Будто удар сапогом.

Ничего вокруг, кроме дерганого пестрого пятна. И оттуда навстречу — крик людей. Он удерживает меня. Заставляет не повиноваться боли и выпрямляет до упора руки.

«Гхы!» — вырывается воздух из груди.

— Есть! — голос судьи.

Сразу навалилась усталость, как громадная мокрая простыня.

Я возвращался домой. Бинты поддерживали плечи, шею. Давили на горло. Волнами стихало возбуждение. А я шел и шел. И невозможно было унять радость...

1963 г.

Катавасия

*Не завидууй тем, кто неизменно
Мог беречь себя всему назло...
Если брошено в костер полено,
Можно ль тлеть и не давать тепло?
К. Кулиев*

«Нет. Ни книги, ни радио не отвлекли меня, — думал он, разглядывая старые потеки на потолке, — а валяться в номере и нервничать, ожидая соревнований, просто глупо».

Он сел. Задумчиво потер лоб. Посмотрел на окно. Слабый свет пробивался сквозь деревянные жалюзи. Поднялся решительно. Вздрыгнул и сморщился от боли.

«Проклятые нарывы. — Он сел, выпрямив ногу. — Теперь не увеличиваются, но болят».

Вспомнил, как плохо спал эти ночи. Ныло воспаленное бедро. Боль терпел. А вот мысли... Куда сбежать от них?

«Не везет мне. Не знать отдыха. Не жалеть себя. И вот остается последний шаг. И другого случая не будет. И... приключается вся эта «катавасия».

Слово «катавасия» он вычитал из книги еще в детстве и случайно запомнил. С тех пор всегда, когда приходилось туго, приговаривал: «Ну и катавасия!» Хотя позабыл смысл загадочного слова.

Он с ненавистью смотрел на большие опухоли. «Раз, два, три... — Всего их восемь, он отлично это знает, но все-таки водит пальцем: — Четыре, пять...» И думает: «Какие отчетливые, багровые!» Нарывы раздули бедро как раз там, где под белой кожей залегали могучие мышцы.

Осторожно потрепал ногу, словно утешая больного друга, и отметил про себя: «Сегодня, кажется, не так жарко, как в тот день».

Он задыхался тогда от зноя. А массажист! Взъерошенный, красный (как в бане, где они обычно встречались в Москве), парень едва успевал утираться полотенцем. Работая, массажист хрипел. И ронял ему на спину крупные капли пота.

Теплые, мутные капли чужого пота. Его передернуло.

Было очень жарко. Градусов пятьдесят.

«Не массаж, а пытка», — подумал он.

Вечером не обратил внимания на зуд. Раздражение, не больше. И только вымылся тщательнее. К утру пустяковое раздражение превратилось в здоровенные нарывы с надоедливой, дергающей болью.

«Что боль! — размышлял он. — Тысячу таких болей и тысячу уколов можно перетерпеть, лишь бы выступить. Выступить и не проиграть». Он медленно поднялся. Не спеша оделся, раздумывая о болезни. Еще раз пожалел себя. Когда шел к окну, чутко прислушивался к ноге. Вдохнул облегченно: «Нет, получше». Повеселел. Взялся за спутанный, в узлах шнур и потянул. Жалюзи заскрипели на разные голоса и уползли вверх. Ослепленный солнцем, он зажмурился и улыбнулся. На ощупь отыскал окно и толкнул его. Вместе с горячим воздухом в комнату ворвался приглушенный высотой шум

большого города. Особенно громко стучали и гремели внизу трамваи: там была стрелка, и пути, раздваиваясь, разбегались в стороны.

У стола он остановился, взял «Лайф» с портретом Хемингуэя на обложке. Лицо у бородатого мудреца доброе, и в прищуренных глазах страдание. Долго смотрел в эти глаза, вспоминая Генри из «Прощай, оружие»... Потом вспомнил других людей и уже не из книг.

Под ворохом измятых галстуков заметил Библию. Эту обязательную принадлежность всех «порядочных» гостиниц.

Потускневшие золотые буквы. Истертые сотнями пальцев грязные уголки страниц. Кого утешала и кого оправдывала эта равнодушная толстая книга? Увидеть бы их... И, рассеянно листая, снова думал о Хемингуэе. И о том, какая хрупкая вещь — человеческая жизнь, растворенная в бесчисленном множестве таких же жизней. Какая порой незаметная.

Убрал Библию в стол.

«А я? Как у меня?.. Есть своя песня? Моя собственная? Моя работа? Мои увлечения? Пожалуй, в спорте я нашел себя. Там я — это я. Но неужели только спорт и есть моя песня?!» Эта мысль испугала его, и он побыстрее вышел, захлопнув за собой дверь.

Пока лифт опускался, он разглядывал старика лифтера. «Превосходная модель для художника, — восхищался он. — Изумительные руки! Эти пальцы, нервные, сухие. Как лежат они на черной стене кабины! И это выразительное лицо».

«А небо совсем и не голубое, — заметил он уже на улице. — Только говорят: голубое, голубое. Где? В стихах и на картинах... А оно бесцветное и в серых мерцающих точках. — В нерешительности остановился. — Куда пойти? К ребятам на соревнования? Но они уже «отработали». Могут кричать, худеть, волноваться, а мне нельзя...»

Решил посидеть у моря. Если идти переулками, оно близко.

«Как там наши? — Не думать о соревнованиях он не мог. — Агапов должен победить, не такой парень, чтобы проигрывать».

Под остроконечными крышами равнодушно дремали жирные голуби. Слабый ветерок вместе с пылью нес запахи аро-

матного кофе. В бесчисленных тратториях редкие клиенты потягивали ледяное пиво и вино.

Городской шум постепенно стих. Улицы раздались вширь, и дома спрятались за деревья.

Виллы. Проезды, вымощенные ракушечником. Железные решетки. Царство цветов за ними. Люди спокойные, самоуверенные. И все здесь тихо, вполголоса. Даже редкие машины едва-едва пыхтели, приноравливаясь к хозяевам.

Потом он заблудился и бродил, разыскивая дорогу. Долго слушал музыку около большого каменного дома.

Широкие окна настежь открыты. Звуки рояля и женские голоса разносятся по узкой старинной улочке.

Поодаль стоял грузовик. И шофер, толстый мужчина с синими небритыми щеками, тоже слушал и смотрел на окна. Шофер сидел на подножке своего автомобиля и, увлекаясь, вместе с хором беззвучно тянул мелодию, раскачиваясь в такт.

Заныла растревоженная нога. С неохотой двинулся дальше. Очевидно, у него был глупый и нелепый вид, потому что он услышал женский смех, а подняв глаза, увидел, что смеются над ним.

Сбоку вырос развязный малый. Пьяное лицо расплылось в фамильярной улыбке.

— Девочки. Пять. — Он растопырил грязный кулак. — Одна лучше другой... — И выжидающе затеребил букетик в петлице. — Или приберечь для себя? — Он сжал пятерню с массивным кольцом на пальце. — Ну, что ж? — Испуганно попятился. — Не хотите, воля ваша. — Он мешал вместе английские и французские слова...

Маленькое кафе над морем ему понравилось. Почти пустое и в глубокой тени широченных брезентовых зонтов. Он заказал фруктовый сок и попросил подогреть.

— Чуть-чуть. — И показал рукой на солнце. Официант понимающе кивнул, коснувшись пальцами горла.

«Море... На тебя можно смотреть бесконечно, — думал он. — Ты никогда не надоедаешь».

Захотелось рвануться с места. Перепрыгнуть изгородь пляжа. Сбросить одежду и кинуться в воду. И плыть, плыть... Нельзя. Сегодня нельзя.

Звон стекла и негромкое: «Пожалуйста, сеньор». Официант принес сок. Он расплатился и взял в руки стакан. Снова повернулся к морю.

Люди входили в воду и пропадали в танцующих солнечных бликах. Только возбужденные голоса да белые всплески выдавали их.

Сок оказался недурен. Он пил и смотрел на соседний столик. Ветер приподнял узорные края цветного тента. Тень отступила, и обыкновенное красное вино в длинных стаканах загорелось ровным рубиновым огнем.

Попросил газеты. Читал подряд, не пропуская ни строчки. Взвинченные болезнью нервы успокоились.

Официант безучастно стоял у стены. Безучастность была профессиональной, выработанной долгими годами. На самом деле его интересовало все. Особенно этот могучий и грустный иностранец. О чем он так напряженно думает? Заглянуть бы в него. Кому это дано?..

К обеду вернулся в гостиницу.

Ребята, точно сговорившись, по очереди подходят. Рассказывают мне, как выиграл Агапов. Потом приехал он сам. Я обнял его и поздравил с победой. Он счастливо улыбнулся и спросил:

— Как нога?

— Сегодня лучше.

— Буду «болеть» за тебя. — Семен пытается быть серьезным. — Давай побуду с тобой вечером на соревнованиях. Помогу.

— Не надо.

Я тяну его за шею и смеюсь. Он робко улыбается, потом смеется оба. Он очень счастлив и не скрывает этого. Хлопает меня по спине и обрушивает поток впечатлений.

— Ого! — Семен подталкивает меня.

Я смотрю. У моей комнаты толпа.

Семен присвистнул.

— Тренеры и доктор. Это по твою душу, — заговорщически шепчет он. — Не поддавайся на уговоры! Требуй, и никаких.